

Ч И С Л Е Н Н И К

Неудачливый «писака»

Родился 20.7.1888 - 1995 - 9-15 марта - 610

Илья Репин. 1888-1889.

Сто лет назад, совсем незадолго до своей кончины, Лесков крайне нервически реагировал на намерения спраздновать 35-летие его литературной деятельности: «Я всеусерднейше прошу Вас знать, что я ничего не хочу и ни за что ни на чей зов не пойду, а у себя мне людей принимать негде и угощать нечем. Вы окажете мне одолжение, если поможете тому, чтобы меня оставили в покое и, пожалуй, даже в пренебрежении, к которому я, слава Богу, хорошо привык...»

В самом деле, какой-то незадачливый писатель: чуть не полжизни проходил с репутацией «мракобеса», которая и после смерти его не оставляла. «Смешал с грязью все общественное движение 60-х годов», да и потом лишь «несколько отошел от воинствующей реакционности», — уверяла одна из советских энциклопедий. Зато в нынешний юбилей ему то же самое уже ставят в заслугу: «вывел на Божий свет нигилистов, раздвиг их донага и показав, что за редким исключением это люди с уголовным сознанием, чей идеал — только разрушение, только отрицание, только уничтожение».

И не смущает пишущего, что тут Лесков больше похож на героя своего последнего рассказа «Заячий ремиз» — простодушного станого Оноприя Перегуда, который увлекся ловлей «сцилистов или, то же самое, потрясывателей основ... тех, шо троны шатают», и кончил век в сумасшедшем доме.

Одиноким и непонятым был Лесков при жизни и, пожалуй, мог бы повторить слова другого своего персонажа: «Никто меня не признает своим, и я сам ни в ком своего не признаю».

Если же его и объявляли своим, то обзавались и вскоре спешили опасливо посторониться: «Мы ошибаемся: этот человек не наш», — сказал, например, небезызвестный Катков.

Те, кто сегодня склонны видеть в Лескове исключительно противника Чернышевского, забывают, что он и с Победоносцевым (которого окрестил Лампадоносцевым) решительно разошелся и отнюдь не находил, как иные, царствование Александра III идиллическим («...на небе ни просвета, везде minimum мысли, — писал он в 1883 году. — Все истинно честное и благородное сникло: оно вредно и отстраняется, — люди, достойные одного презрения, идут в гору. Бедная родина!»)

Было в этой его независимости нечто общее с чеховской. Он Антона Павловича и приметил одним из первых, только благословил его не столь картинно, как Григорович своим вошедшим в историю литературы письмом, а именно «по-своему», сказав ему в «подпитии»: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида. Пиши.» (да еще, быть может, тут же рассмеялись оба, и сам «Самуил», и будущий «царь!»).

«Мой любимый писака», — назвал Лескова Чехов в одном письме. И, действительно, читал его внимательно. След этого ощутим и в чеховской изобразительной технике («...Грянул трескучий удар, как от массы брошенных с кровли железных полос... Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше» — угадывайте, какое из этих описаний грома чеховское, а какое лесковское!), и в некоторых его персонажах (отец Христифор в «Стелли», дьякон в «Дуэли»).

На склоне лет Лесков уверял одну свою корреспондентку, что, когда перед ним загорелся «яркий маяк» — учение Льва Толстого, он «свой фонаришко бросил». Обычное его лукавство!

Свет этого «фонаришки» — лесковского ума, таланта, фантазии, поразительного богатого жизненного опыта (вот уж кто знал «Россию, которую мы потеряли», из первых рук и только усмехнулся бы некоторым ее нынешним «художественно-публицистическим» рестаурациям) не только дошел до наших дней, но и способен многое прояснить в современных раздумьях и спорах.

Да и всегда — вопреки его жалостливым уверениям — «угостить» ему всегда есть чем. Откроешь любую страницу: не язык — объеденье! «Музеум всевозможных говоров», где запечатлелись «все стихии, все элементы океана русской речи», окрестил лесковский язык один из современников. Писатель и сам справедливо гордился своим богатством: «собираю... много лет по словечкам, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях». Да и затейливых выражений собственного изобретения много добавил.

Редкостный был умелец вроде своего героя — Левши! И с такой же горестной судьбой. Наверное, порой и вздыхал после очередной критической «выволочки», как Левша: «Не первый снег на нашу голову...»

Так до сир пор и смотрит с портретов — настороженный, обиженный, колючий — наш «любимый писака»!